

**ПЕРВЫЙ МЕТАЛЛ В КУЛЬТУРЕ ТАЕЖНЫХ АБОРИГЕНОВ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СРЕДНЕГО УРАЛА ***

В центре внимания – специфика перехода от каменного века к эре металла в таежном Обь-Иртышье и горно-лесном Зауралье. Исследуются модели взаимодействия культур в рамках Евразийской металлургической провинции, перспективы и барьеры для распространения инноваций в среде населения с присваивающей экономикой. Представленная абрисно панорама динамики культур бронзового века лесного массива подтверждает концепцию становления металлопроизводства, которое не имеет перспектив для самостоятельного развития в условиях культивирования присваивающих форм хозяйства. Особого внимания заслуживает «сырьевой» фактор, который при определенных обстоятельствах обеспечивает включенность населения присваивающего образа жизни в орбиту металлоносных культур.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Урал, бронзовый век, сейминско-турбинский феномен, взаимодействие культур.

Первые опыты знакомства человека с металлом в истории евразийского континента принимали самые разнообразные формы – от вялотекущих, растянутых во времени, процессов до взрывных инновационных всплесков, сопровождавшихся чередой разнообразных достижений (становление и развитие скотоводства, земледелия, появление колесного транспорта, формирование этнического костюма, сложной системы погребальной обрядности). Различные модели внедрения металла отражают археологические материалы, структурированные в рамках металлургических провинций эпохи раннего металла (Балкано-Карпатской, Циркумпонтийской, Евразийской, Кавказской, Европейской, Восточноазиатской и др. [Черных, 2005; 2009. С. 135–316]). Наиболее сложные конфигурации завязывались на периферии провинций, демонстрируя обязательность целого комплекса условий и факторов для перехода к металлоносному «образу» жизни, новым технологиям, знаниям,

традициям и барьерам на пути их распространения.

В центре внимания данной работы – таежные районы Урала и Западной Сибири. Есть основания полагать, что знакомство местных жителей с металлом могло произойти довольно рано, по аналогии с квазиэнеолитическими культурами лесной полосы Европейского Севера [Кузьминых, 1977; 1993]. Но действительное включение Среднего Зауралья и севера Западной Сибири в систему связей Евразийской металлургической провинции II тыс. до н. э. (первая фаза позднего бронзового века (ПБВ-1) в рамках глобальной периодизации эпохи раннего металла) было обусловлено действием носителей сейминско-турбинских традиций. Об этом убедительно свидетельствуют памятники таежной зоны – полымьятского (рис. 1) [Стефанова, Кокшаров, 1988; Кокшаров, Стефанова, 1993; Кокшаров, 1991. С. 95–98; 2006. С. 48–56] и кульганского типов (рис. 2) [Стефанов, 2000; Косинская,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 10-06-00405а). Использованы также материалы раскопок памятника Шайтанское Озеро II 2010 г., осуществленные при поддержке РГНФ (проект № 10-011-01821е).

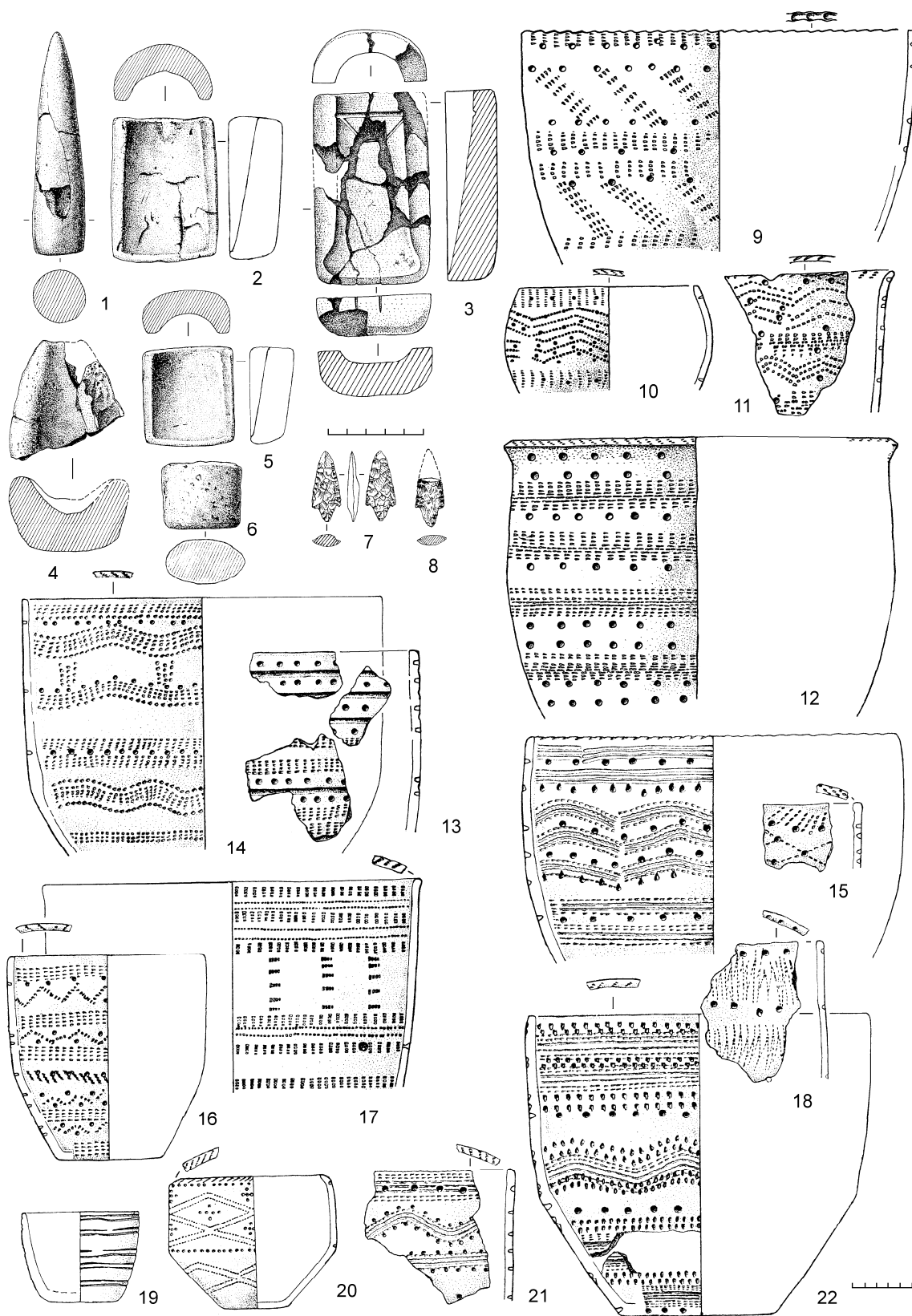

Рис. 1. Комплексы полымятского типа: 1, 2, 4-8, 13-18 – поселение Пашкин Бор (по: [Стефанова, Кокшаров, 1988. Рис. 3-5]); 3, 9-12 – поселение Волвонча I (по: [Кокшаров, Стефанова, 1993. Рис. 6]) (1-6 – глина, 7, 8 – камень, 9-22 – керамика)

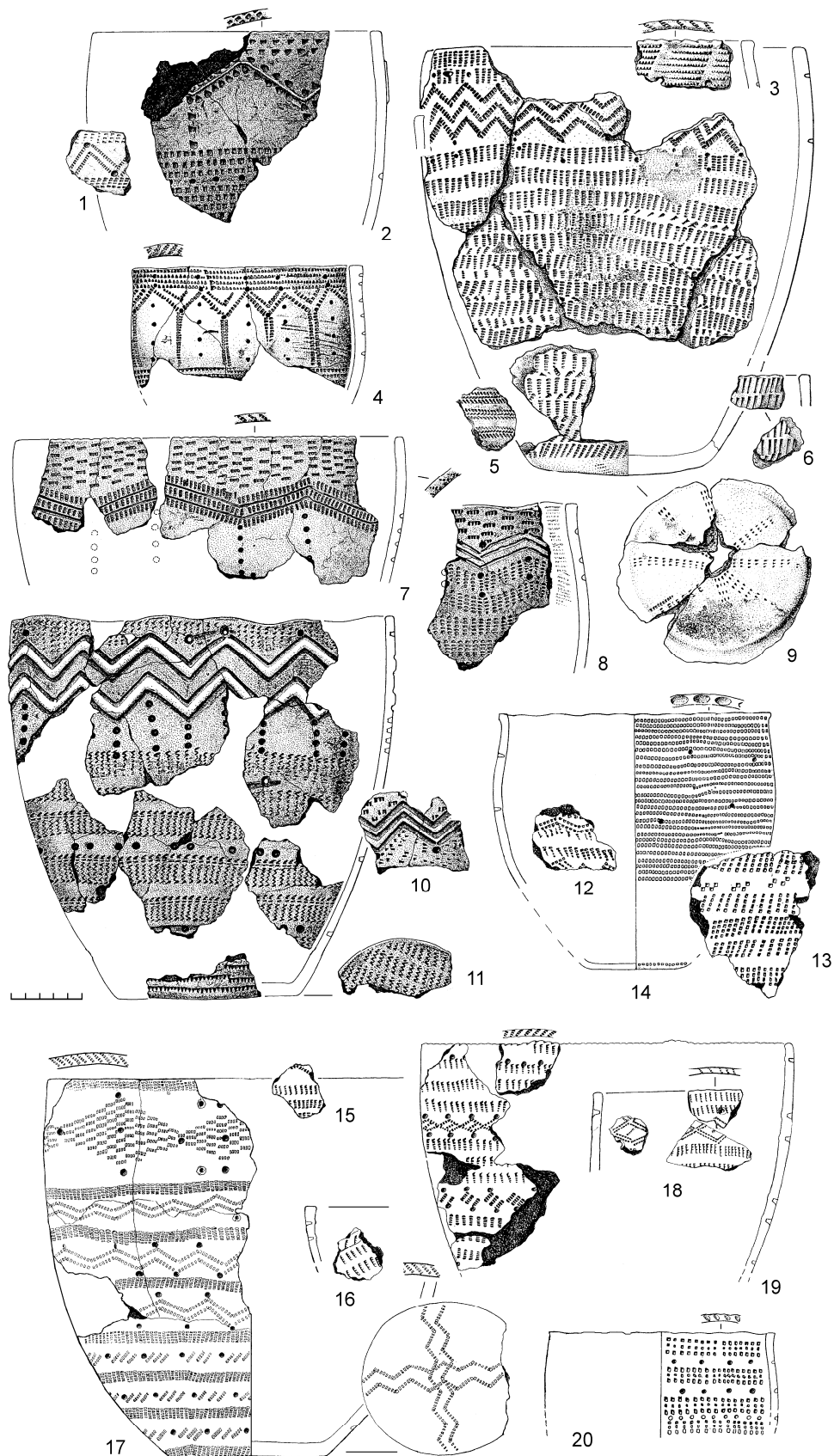

Рис. 2. Керамика поселений кульгганского типа: 1, 2, 4, 7 – Быстрый Кульган 38 (по: [Борзунов и др., 2011. Рис. 9–11]); 3, 5, 6, 9 – Малая Моховая 1 (по: [Стефанов, 2002. Рис. 6]); 12–14, 20 – Чернореченское I; 15–19 – Щетнма-то-Лор (по: [Косинская, 1998. Рис. 3])

Радиоуглеродные даты

Памятник	Шифр	ВР	1σ (68,2 %) ВС	2 σ (95,4 %) ВС
Барсова Гора II/22	Ле-8553	3780 ± 120	2350–2030	2600–1850
Барсова Гора II/22	Ле-8561	3480 ± 160	2030–1610	2300–1400
Барсова Гора II/19	Ле-8545	3590 ± 100	2050–1860	2300–1650
Барсова Гора II/19	Ле-8561	3610 ± 190	2300–1650	2500–1500
Чернореченское I	ЛЕ-5333	3760 ± 200		
Чернореченское I	ЛЕ-5334	3830 ± 400		
Сатыга XVI	ОхА12529	3655 ± 290	2130–1960	2140–1940

1998; 2000; Чемякин, 2008. С. 42–46; Борзунов и др., 2010; Дубовцева, Юдина, 2010; Борзунов и др., 2011]. Фоновыми признаками данных культурных образований являются свидетельства металлообработки сейминско-турбинского типа, укрепленные жилища оригинальной планировки. Остатки металлообработки представлены литейными матрицами и тиглями. Литейные формы кельтов (рис. 1, 2, 3, 5) обнаружены на полымьятских поселениях Волвонча I и Пашкин Бор I. На расположенных в непосредственной близости памятниках кульганского типа Барсова Гора II/22, II/19 найдены тигли, сплески и фрагмент бронзового изделия [Борзунов и др., 2010. С. 197–199; Дубовцева, Юдина, 2010. С. 231–232], на памятнике Барсова Гора II/8 – обломки литейных форм [Чемякин, 2008. Рис. 29, 2, 3, 7]. Две створки глиняной формы для отливки изделия в виде длинного стержня обнаружены в 2010 г. при раскопках кульганского поселения Савкинская Речка 1 под Нижневартовском [Мызников, 2011]. Повсеместное возведение укрепленных жилищ свидетельствует о происходивших в это время структурных изменениях, вызванных увеличением населения и масштабным разделением промысловых угодий, сопровождавшихся ростом военной напряженности и междоусобных войн [Борзунов и др., 2011. С. 67]. Не исключено, что определенную роль в этом сыграло появление в таежном Обь-Иртышье сейминско-турбинских кланов, вооруженных передовым по тем временам оружием.

Присутствие собственно сейминско-турбинских мигрантов доказывается на материалах могильника Сатыга XVI – самого северного сегодня некрополя сейминско-турбинского типа (рис. 3, 4). Об исключительной степени протяженности северных

сейминско-турбинских воздействий свидетельствуют могильник Товкуртлор-3, расположенный в бассейне Казыма [Стефанов, 2006], погребение литейщика под Сургутом [Корочкова, 2011а; 2011б].

Неподготовленность таежного населения к переменам, в каком-то смысле их принужденный характер, отсутствие условий для развития производящих форм хозяйства, привели к весьма ожидаемым последствиям. Яркий всплеск металлоносных культур, представленных Сатыгой XVI, памятниками полымьятского, кульганского типов гребенчато-ямочной общности, неожиданно обрывается. В абсолютных значениях это время рубежа – первой трети II тыс. до н. э. (см. таблицу).

Археологические материалы следующего периода (ПБВ-2 в рамках глобальной периодизации эпохи раннего металла или средней (развитой) бронзы в соответствии с региональной периодизацией бронзового века Западной Сибири) ограничивают ареал металлоносных культур северной кромкой лесостепи и южной тайги, что подтверждают материалы андроновской и срубной общностей (пик существования которых приходится на XVIII–XV вв. до н. э. [Епимахов и др., 2005. С. 100; Черных, 2008. Рис. 10]). Далее этого рубежа колонизационные устремления андроновских племен за Уралом не простирались. Отсутствие стимулирующих факторов извне самым непосредственным образом сказалось на судьбах металлообработки в тайге. На этапе андроновской колонизации освоения таежных районов степными переселенцами не произошло. Металлические предметы срубно-андоновского типа в тайгу не попадали, оседая в лесостепной полосе. Зауральские и сибирские центры, основанные на тради-

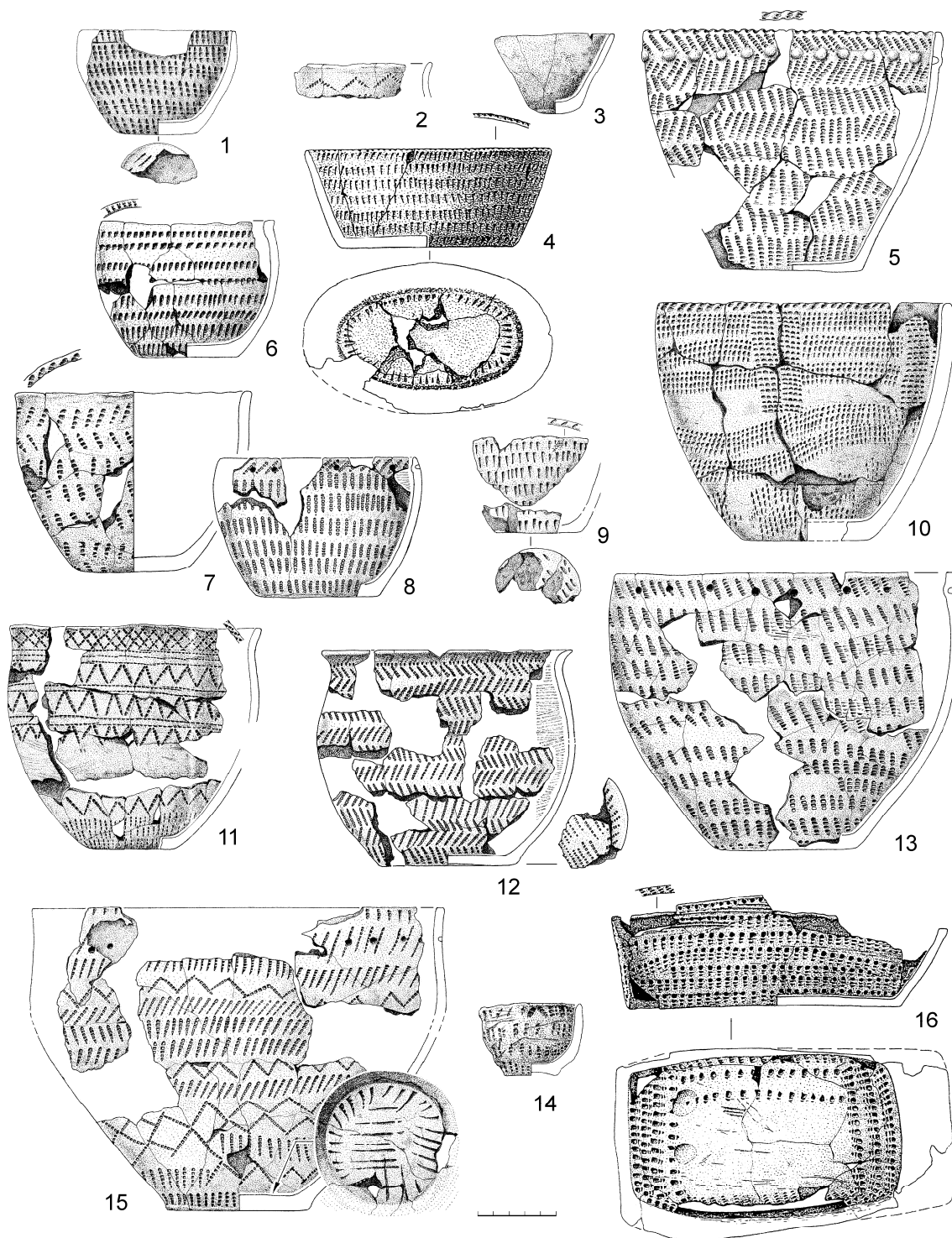

Рис. 3. Керамический комплекс могильника Сатыга XVI

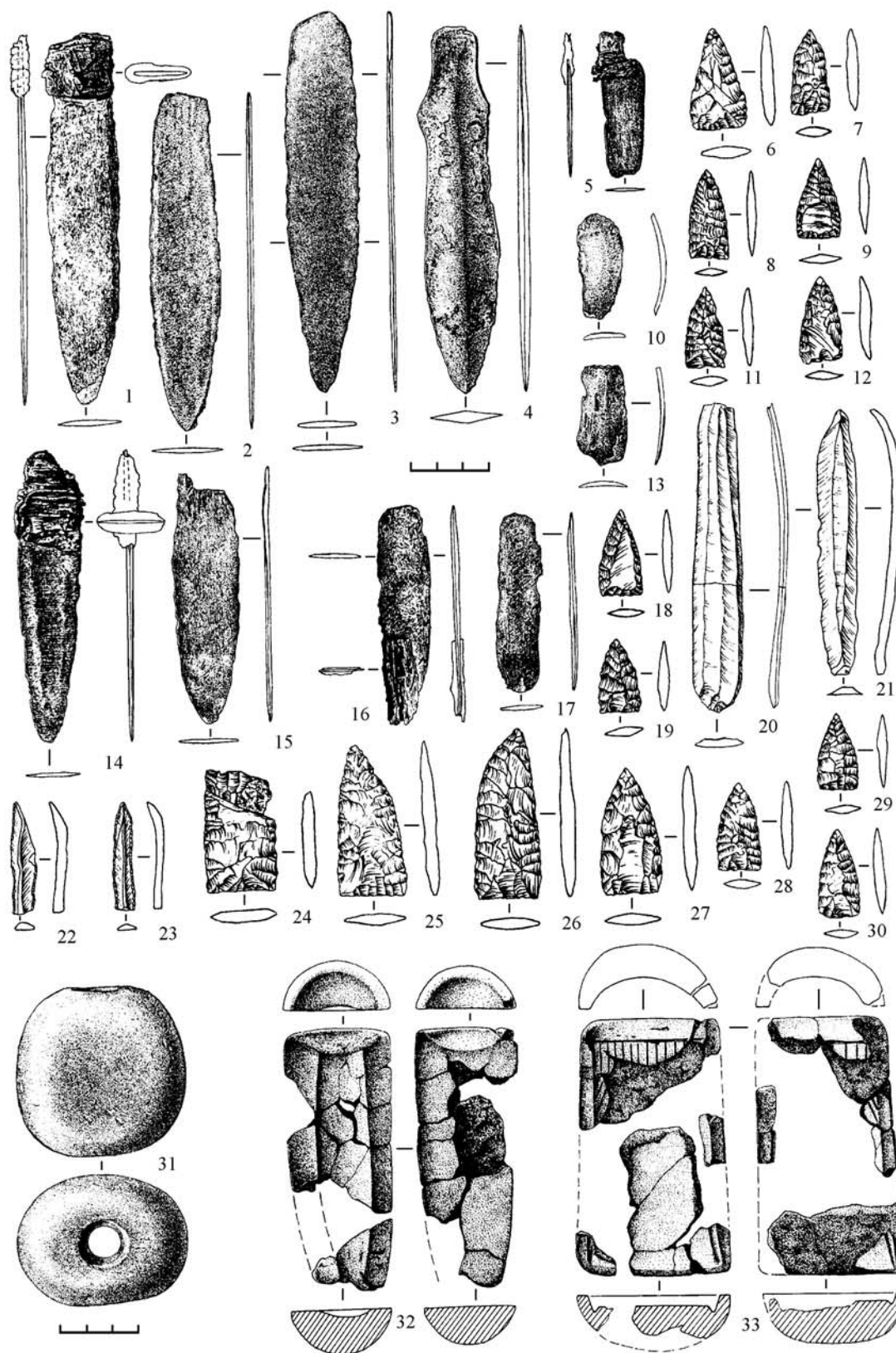

Рис. 4. Бронзовый, каменный и иной инвентарь могильника Сатыга XVI (1-5, 10, 13, 14-17 – бронза, 6-9, 11, 12, 18-31 – камень, 32, 33 – глина)

циях сейминско-турбинской металлообработки, снабжавшие в начале II тыс. до н. э. таежный мир металлом, постепенно угасли. Собственных ресурсов для развития металлообработки в таежной зоне не было. И хотя история знает массу примеров взаимовыгодного сотрудничества культур-поставщиков и культур-потребителей металла, в таежной зоне подобный сценарий не получил развития. Представляется, что отсутствие металла срубно-алакульских стандартов в тайге – симптоматичное явление, которое объясняется бесперспективностью развития металлообработки в обществах с присваивающей экономикой.

Отсутствие собственных стимулов и ресурсов для сохранения традиций металлообработки в тайге, военного фактора, условий для перехода к производящему хозяйству, заинтересованности со стороны прогрессивных культур степного пояса и реальная возможность успешного ведения хозяйства традиционными способами присваивающей экономики, обрекли таежные районы в середине бронзового века на некоторую стагнацию и своеобразную деволюцию. На данном этапе местные культуры, по всей вероятности, вернули себе прежний облик, который соответствовал реалиям безметаллического периода. Возможно, в этом кроется причина крупных лакун в исследовательских построениях, касающихся периодизации бронзового века таежной зоны Западной Сибири. Таежные комплексы, синхронные андроновским на юге, в Нижнем Приобье до сих пор не идентифицированы. Подобными провалами отмечены периодизация древностей бронзового века лесной полосы Западной Сибири в ее обобщенном [Косарев, 1981; 1987] и локальных вариантах: Сургутского Приобья [Чемякин, 1994; 2008; Чемякин, Карачаров, 1999. С. 23–30] и Кондинской низменности [Кокшаров, 1991; 2006]. Согласно анонсированным в перечисленных работах схемам, на смену первым культурам бронзового века приходят уже образования заключительного горизонта (барсовские, лозьвинские, атлымские), синхронные лесостепным позднерменским, бархатовским, позднесузгунским XII–IX вв. до н. э.

Есть основания усматривать два основных импульса в обретении металлоносного характера аборигенными культурами региона. Первый из них был связан со скоротеч-

ным периодом вовлечения таежных районов в сферу миграций носителей сейминско-турбинских традиций в начале II тыс. до н. э. Их нацеленность на, своего рода, экспедиционные акции, немногочисленность коллективов, кратковременность остановок, не в состоянии были обеспечить широкое внедрение новых прогрессивных традиций в среду таежного населения. Будучи культуртрегерами новых знаний, металлического оружия, иного менталитета, они оказывались более в состоянии их демонстрации, но не проводников. В свою очередь неподготовленность местных жителей к подобным новациям, отсутствие условий для дальнейшего их развития в регионе, не обеспеченном сырьевыми ресурсами, слабые связи с производящими центрами лесостепного и степного поясов, самым непосредственным образом сказались на судьбах первого металла в тайге. При отсутствии его носителей, он, по сути, исчезает из культуры аборигенов.

Второй импульс падает на конец II тыс. до н. э. и связан с освоением южно-таежных районов населением андроновидной общности и становлением комплексной экономики в этой зоне [Косарев, 1984. С. 111–132], расширением информационных связей по линии степь – тайга через буферную лесостепную область. В памятниках лозьвинской, атлымской, красноозерской, сузгунской культур количество металлических предметов по сравнению с предшествующим периодом возрастает. Однако в сравнении с началом II тыс. до н. э. его гораздо меньше. Симптоматично, что, как и в случае первых эпизодов взаимодействия с металлом, он приобретает в среде местного населения ярко выраженное ритуализированное значение. На это указывают глиняные модели металлических предметов сузгунской культуры в сопровождении характерной, преимущественно зооморфной пластики [Галкин, 1989. С. 132–134, Глушков, 1991. С. 94–96]. В комплексах атлымской, лозьвинской, барсовской, белоярской культур, локализованных в глубине таежного Приобья, металл представлен преимущественно в мелких предметах культового литья (см.: [Чемякин, 2008. С. 164] и др.).

Иную модель включения в бронзовую эпоху демонстрируют памятники горнолесного Зауралья, археологически представленные в комплексах коптяковской культу-

ры. Непреложная связь относимых ранее к поздним фазам развития бронзового века предметов (кельты с ложными ушками, орудия типа долот, стамесок, втульчатых чеканов) после открытия металлокомплекса культового памятника Шайтанское Озеро II (рис. 5, 1–9) позволяет внести заметные коррективы в ранее сложившиеся представления о начале бронзового века на этой территории. Во-первых, металлоносное наследие ранней фазы Среднего Зауралья, по сравнению с последующими периодами бронзового века, выглядит наиболее весомым. Сегодня учтено уже около 200 изделий. Во-вторых, выяснилось, что в составе среднеуральского металлокомплекса есть оригинальные изделия (рис. 5, 1–3, 6, 8), которые можно расценивать как свидетельства сложения здесь собственного производящего центра. Самобытность зауральского центра передает специфический ассортимент, включающий обилие синкретичных форм, сочетающих сейминско-турбинские и евразийские стандарты металлообработки. Становление его, судя по предшествующему культурному контексту (так называемые энеолитические комплексы липчинского, аятского, шувакишского, елизаветинского типов, более поздние памятники карасьеозерского типа [Чаиркина, 2005. С. 287–290]), произошло в результате освоения этой территории сейминско-турбинскими коллективами, главным образом, с востока. Приоритет восточного компонента передает сложившаяся в среде носителей сейминско-турбинских технологий и бронз мифоритуальная практика, зафиксированная на Шайтанском Озере II. Для нее характерно отчуждение большого количества металла в сакральную сферу, что демонстрируют знаменитые мемориалы Сейма, Турбино, Ростовка и специфическая система погребальной обрядности. В восточной части Евразийской металлургической провинции она составляет характерную культурную особенность населения кротовско-елунинского массива, представлявшего своеобразную оппозицию сформировавшейся в степном поясе абашевско-петровско-синташтинской ассоциации.

Начатый детальный анализ всего комплекса данных о коптяковской культуре уже сейчас указывает на самобытный характер перехода и становления металлоносной эпохи на Среднем Урале. Его специфика обу-

словлена внедрением традиций горного дела, металлургии и металлообработки в среду населения, находившегося, по сути, на стадии каменного века. Поскольку подобное внедрение произошло в условиях наличия здесь меднорудных месторождений, есть основания полагать, что в данном случае имело место определенное воздействие пришлого сейминско-турбинского клана на местных аборигенов, которые были самым непосредственным образом втянуты в сферу его профессиональных предпочтений. Трудно сказать на уровне знаний нашего дня, как именно развивалось подобное взаимодействие, но столь явная приуроченность немногочисленных памятников коптяковской культуры к известным меднорудным месторождениям и, что особенно важно, местам выходов вторичных руд, наталкивает на мысль об участии местного населения в производственных циклах по заготовке и переработке сырья. Об археометаллургических процессах на территории коптяковских поселков свидетельствуют обломки тиглей, ошлакованной керамики, обломки тальковых литейных форм, каменные песты (найденны на поселениях Коптяки V, VI, Палатки I, Балакино и пр.).

Изучение феномена становления высоко развитого металлургического¹ и металлообрабатывающего очага в среде населения, не имевшего условий для комплексного развития производящей экономики, заслуживает самого пристального внимания. Керамика и металл коптяковской археологической культуры явственно указывают на тесные связи с населением лесостепного Зауралья [Сери́ков и др., 2009. С. 71–73], археологически представленного памятниками петровской и ранней фазы алакульской культуры. Одна из групп керамики (рис. 5, 10, 11, 15, 16), некоторые категории металлических изделий (рис. 5, 1–3) представляют собой ярко выраженные синкретичные формы, в которых органично переплетены признаки местной горно-уральской и соседней лесостепной гончарных традиций, характерные техноло-

¹ Принимая во внимание далеко не однозначные примеры становления и функционирования добывающих и обрабатывающих центров в древности, а также отсутствие непреложных аргументов, свидетельствующих о разработке в бронзовом веке местных руд, подчеркиваю гипотетичность этого заявления и необходимость тщательной проверки данной исследовательской версии.

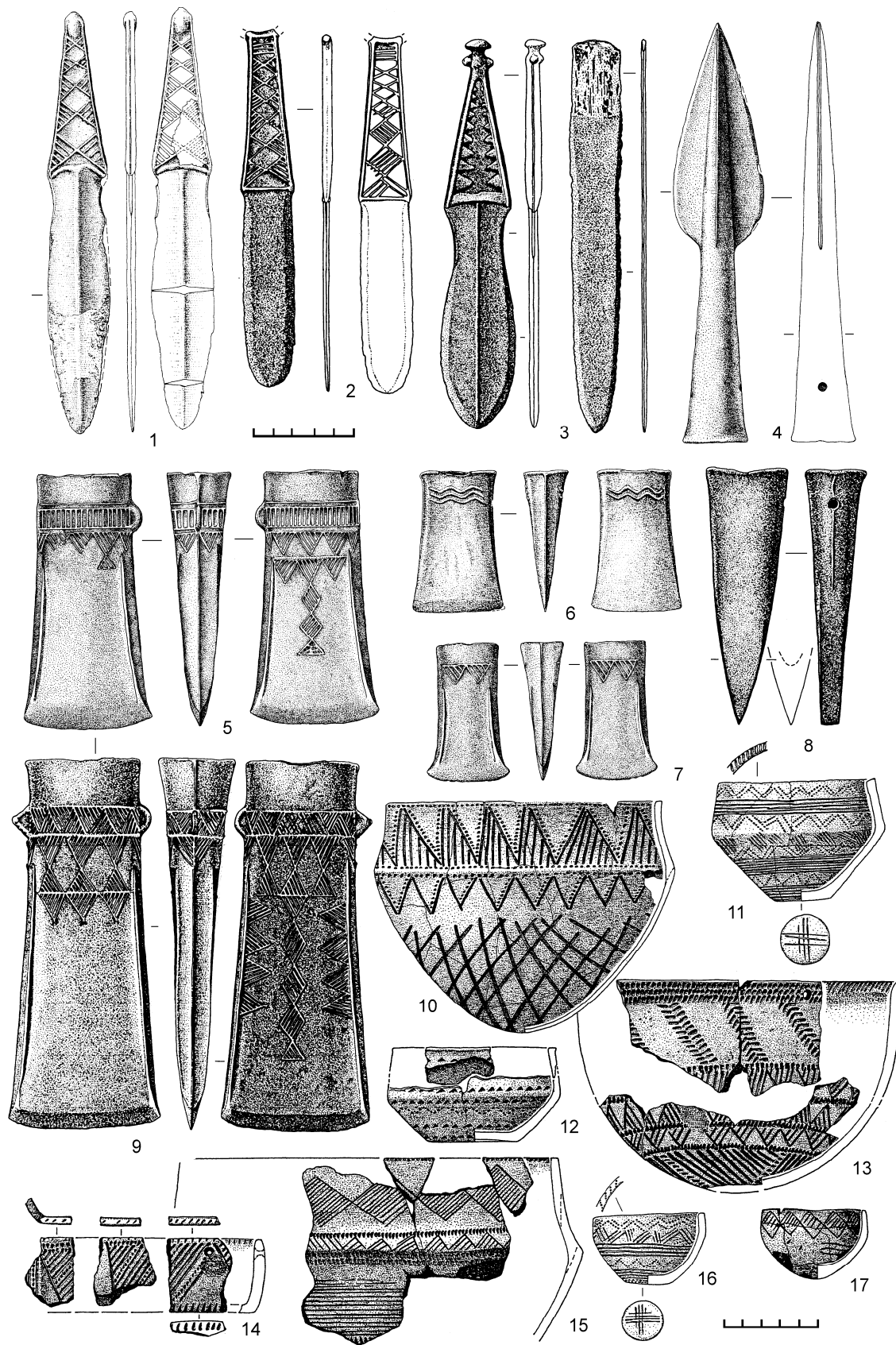

Рис. 5. Инвентарь памятника Шайтанское Озеро II (1-9 – бронза, 10-17 – керамика)

гические приемы сейминско-турбинских и евразийских (петровских, срубно-алакульских и т. п.) литейщиков. Все это указывает на вероятность формирования модели взаимовыгодного обмена и сотрудничества между скотоводческим населением лесостепного Зауралья и металлоориентированной культурой Среднего Зауралья. В противном случае трудно объяснить исключительное внимание групп лесостепного и степного населения именно к этому району. Во всяком случае, археологические материалы ранней стадии бронзового века соседнего подтаежного Тоболо-Иртышья указывают на крайне ограниченные контакты носителей ташковской, одиновской и кротовской культур с населением степной зоны [Корочкова, 2011а. С. 22–25], тогда как среднеуральские такие связи обнаруживают. О существовании подобной экономической модели свидетельствуют реалии Каргалинских рудников, население которых было ориентировано исключительно на добычу и обогащение местной руды [Антипина, Лебедева, 2005. С. 73; Черных, 2007. С. 90]. Близкая модель обмена, но основанная уже на производстве высокотехнологичного оружия и орудий, сформировалась на Среднем Урале в период существования иткульского горно-металлургического очага раннего железного века [Бельтикова, 2005. С. 168–170]. Не являются ли совпадающие ареалы коптяковской и иткульской культур указанием на особые условия их формирования, обусловленные приуроченностью к меднорудному поясу Среднего Урала? Тем более, что связь некоторых местных месторождений с иткульским металлопроизводством установлена вполне определенно [Там же. С. 185].

Представленная абрисно панорама динамики культур бронзового века лесного массива подтверждает концепцию становления металлоносных образований, которые не имели перспектив для самостоятельного развития в условиях культивирования присваивающих форм хозяйства, при отсутствии устойчивых связей «поставщик – потребитель», но что, несомненно, важнее – стимулов для поиска таких поставщиков. Особого внимания заслуживает «сырьевой» фактор, который при условии определенных обстоятельств, а в нашем случае речь идет о появлении носителей новых знаний извне, обеспечивает включенность населения присваивающего образа жизни в орбиту металлоносных культур. Но перспективы и исторические судьбы такого союза весьма

уязвимы. Свидетельством тому история сейминско-турбинских центров металлообработки, которые после яркого всплеска в начале II тыс. до н. э. затухли. На следующей фазе исторического развития преобладающими стали евразийские традиции металлообработки, представленные производящими центрами срубно-андроновского мира.

Список литературы

Антипина Е. Е., Лебедева Е. Ю. Опыт комплексных археобиологических исследований земледелия и скотоводства: модели взаимодействия // РА. 2005. № 4. С. 70–78.

Борзунов В. А., Бельтикова Г. В., Косинская Л. Л., Дубовцева Е. Н., Юдина Е. А. Раскопки поселения Барсова Гора II/22 в окрестностях Сургута (итоги работ 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. Вып. 8. С. 184–220.

Борзунов В. А., Стефанов В. И., Глушков И. Г. Быстрый Кульеган-38 – укрепленное жилище эпохи бронзы в Сургутском Приобье // Археология, антропология и этнография Евразии. 2011. № 2 (46). С. 55–69.

Бельтикова Г. В. Среда формирования и памятники Зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 2005. С. 162–186.

Галкин В. Т. Сузгунско-лозьвинские поселения в Тобольском Прииртышье // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Тюменский госуниверситет, 1989. С. 129–136.

Глушков И. Г. Поселение Лучкино – памятник поздней бронзы низовий Иртыша // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень, 1991. С. 93–103.

Дубовцева Е. Н., Юдина Е. А. Раскопки объектов кульеганского типа селища Барсова Гора II/19 // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. Вып. 8. С. 221–240.

Епимахов А. В., Хэнкс Б., Рэнфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 92–102.

Кокшаров С. Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конды // Вопр. археологии Урала. Екатеринбург, 1991. Вып. 20. С. 92–101.

Кокшаров С. Ф. Север Западной Сибири в эпоху раннего металла // Археологическое

наследие Югры. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 41–67.

Кокшаров С. Ф., Стефанова Н. К. Поселение Волвонча I на р. Конда // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 54–67.

Корочкова О. Н. Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Иртыше (факторы, механизмы, динамика): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011а. 37 с.

Корочкова О. Н. Погребение литейщика в таежном Приобье // Археология Южной Сибири. Кемерово, 2011б. Вып. 25. С. 129–136.

Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 287 с.

Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 245 с.

Косарев М. Ф. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзового века к железному // Эпоха бронзы лесной полосы СССР (Сер. «Археология СССР»). М.: Наука, 1987. С. 289–304.

Косинская Л. Л. Чернореченское I – поселение эпохи бронзы в г. Сургуте // Археология Западной Сибири: Сб. науч. тр. Нижневартовск, 1998. С. 87–102.

Кузьминых С. В. К вопросу о волосовской и гаринско-борской металлургии // СА. 1977. № 2. С. 20–34.

Кузьминых С. В. Квазиэнеолитические культуры Северной Евразии: проблема периодизации // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. XII Уральского археол. совещания. 19–22 апреля 1993 г. Екатеринбург, 1993. С. 116–119.

Мызников С. А. Селище Савкинская Речка 1 – памятник эпохи бронзы в низовьях р. Ваха // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. Вып. 9. С. 459–462.

Серигов Ю. Б., Корочкова О. Н., Кузьминых С. В., Стефанов В. И. Шайтанское Озе-

ро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2(38). С. 67–78.

Стефанов В. И. Новые материалы по бронзовому веку Сургутского Приобья // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова Гора», 2002. С. 97–112.

Стефанов В. И. Могильник Товкуртлор 3: сейминско-турбинский след в Нижнем Приобье // РА. 2006. № 1. С. 44–58.

Стефанова Н. К., Кокшаров С. Ф. Поселение бронзового века на р. Конде // СА. 1988. № 3. С. 161–177.

Чауркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург, 2005. 312 с.

Чемякин Ю. П. Каменный и бронзовый век Сургутского Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1994. 21 с.

Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. 224 с.

Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург: Тезис, 1999. С. 9–66.

Черных Е. Н. Пути и модели развития археометаллургии (Старый и Новый Свет) // РА. 2005. № 4. С. 49–60.

Черных Е. Н. Каргалы. М.: Языки славянской культуры, 2007. Т. 5. 200 с.

Черных Е. Н. Формирование Евразийского степного пояса скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3 (35). С. 36–53.

Черных Е. Н. Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 624 с.

Материал поступил в редколлегию 08.11.2011

O. N. Korochkova

THE FIRST METAL IN ABORIGINAL TAIGA-CULTURE OF WEST SIBERIA AND MIDDLE URALS

In the center of attention – the specificity of the transition from the stone age to the age of metal in a taiga of the Ob-Irtysh and mountain-forest Trans-Urals. Explores the model of interaction of cultures in the framework of the Eurasian Metallurgical Province, prospects and barriers for the dissemination of innovation in the environment of the population with the appropriation of the economy. Presented panorama of the dynamics of the cultures of the bronze age of the forest proves the concept of formation of the metallurgy, which has no prospects for self-development in the conditions of cultivation assigning economic forms. Special attention is the «raw» factor, which in certain circumstances provides inclusion of the population of appropriating way of life in orbit metals cultures.

Keywords: Western Siberia, Ural, Bronze Age, Seym-Turbino phenomenon, the interaction of cultures.